

ХОХМОДРАМА С КОЛОКОЛАМИ

Сергей Безруков сыграл
в спектакле своего отца

**«Не женитесь, если боитесь одиночества»,
— советовал Антон Павлович Чехов.**

Золотые слова. Однако к мудрым советам,
как известно, никто **не прислушивается.**

**Не прислушался и двадцатисемилетний
актер театра и кино Сергей Безруков,**
огорчивший самых отчаянных своих поклонниц
тем, что недавно выбрал себе спутницу жизни.

Руслан САГАБАЛАН

Но не о том речь. На днях Сергей сыграл роль дьячка Емельяна Силыча в спектакле своего отца Виталия Безрукова «Ведьма» по мотивам рассказов Чехова. Спектакль, в котором ироничный призыв классика прозвучал одновременно смешно и грустно. Премьера антрепризы состоялась в столичном театре им. В. Маяковского.

«Ведьма» — это три «ведьмы» друг в друга чеховских сюжета — «Ведьма», «Канитель» и «Хирургия», — объединенных общими героями и общим настроением в жанре, названном по случаю «хохмодрамой». Как объяснил Виталий Сергеевич, «хохмодрама» — это череда резких переходов от смеха к слезам и обратно. Дублирующий актер Театра сатиры, «просидевший в театральных примерках», по собственному его выражению, восемнадцать с лишним лет, совершил, наконец, прорыв, о котором мечтал все эти годы — ов-

ладел сценой и зрительным залом — правда, уже не в качестве актера, а как режиссер-постановщик. Впрочем, он всегда был (опять же по собственному его признанию) «серым кардиналом» — режиссером, завлитом и неофициальным педагогом (официальным-то был Олег Табаков) собственного сына, лауреата Государственной премии и заслуженного артиста России, ни одна из ярких сценических работ которого не обходилась без активного вмешательства и коррекции отца.

Итак, хохмодрама. Со звоном колоколов, молитвами, песнопениями, захватывающими дух танцами, выстрелами, ядами, русской баней, любовью на стогу, изменой, ревностью, святостью, жертвенностью, «русской рулеткой», шутовством и, наконец, возвышенной смертью... И все это Чехов. С попутным приветом от Достоевского.

Помните «Канитель»? «Ты, старая кочерыжка, не путай, говори толком: за здоровье, али за

Безруковы — отец и сын

упокой?..» А «Хирургию»? «На то вы и обучены, чтоб это дело понимать, что вырвать, а что каплями или прочим чем...» Ну а Любочку-ведьму, которая замуж за дьячка вышла и, любовным желанием томимая, непогоду устраивала, чтобы гостей заблудших в дом заманивать?.. Так вот, две «хохмы» (с двумя разными дьячками у Чехова) органично легли в драму с одним и тем же дьячком в искрометном исполнении Сергея Безрукова.

В спектакле В. Безрукова Любочка (Дарья Фекленко) и вправду натуральная ведьма. С сексуально-метеорологическим уклоном. Погоду меняет, это ладно. Но ведь и на барина Петра Петровича (Андрей Ильин), отказывающегося на ней жениться, порчу наводит, превратив его... в «голубого». Надо сказать, партнерство Сергея Безрукова и Андрея Ильина наиболее органично проявлялось в сценах, граничащих с клоунадой. Видно, сами они прекрасно это понимали, поэтому «развились» вовсю.

Петр Петрович, как и дьячок, един во всех лицах: он и охотник, и фельдшер, и барин, возлюбленный Любочки, и мете-

льно пригнанный путник. В «хохмах» он на своем месте, в «драмах» отходит в сторону, уступая место дьячку-Безрукову, метаморфозы которого внезапны и стремительны: от всепрощения к ревности, от ревности к любви, от любви к ярости, затем вновь к любви возвышенной и жертвенной, а затем — к катарсису. В финале умиравший Емельян, помирившись с соперником, взбирается на часовню и звонит в колокол и уже не придурком выглядит, и хохма уже не хохма и даже не драма, а трагедия. Словом, двое мужчин столь замечательно дополняют в этом спектакле друг друга, что кажется, и без Любочки вполне могли бы обойтись. Она здесь — скорее символ, нежели характер. В актрисе дело или в режиссерской задаче? Если вспомнить хрестоматийное изречение того же Антона Павловича, в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли, то лицо и одежда здесь — Любочка, а душа и мысли — Емельян Силыч с Петром-Петровичем.

Такой вот нетипичный для эпохи развитого феминизма спектакль.